

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр РАН
Социологический институт РАН

Российская ассоциация политической
науки

Российское общество социологов

Санкт-Петербургская ассоциация
социологов

**Двадцатый Всероссийский семинар
«СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ
РОССИЙСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ»**

28-30 октября 2021 года

Программа

Санкт-Петербург

2021

Программа семинара

28.10.2021. Четверг

11:00-11:05. Приветствие

11:05 – 12:35. Сессия «Элиты и власть на региональном и местном уровнях»

Ведущий: *Фадеева Любовь Александровна*

Выступления:

Панов Петр Вячеславович. Региональные элиты и регионалистские проекты в «неэтнических» регионах России

Пустовойт Юрий Александрович. Смена политических поколений в городах Сибири: динамика образов властных отношений в онлайн и офлайн среде

12:40 – 14:10. Сессия «Административные элиты России: карьерные траектории»

Ведущий: *Пустовойт Юрий Александрович*

Выступления:

Тев Денис Борисович. Федеральная административная элита России: карьера после ухода с должности

Быстрова Алла Сергеевна. Административные элиты регионов РФ: динамика типов карьер и карьерных траекторий (2004-2021 годы)

14:10-14:40. Перерыв.

14:40 – 16:10. Сессия «Политические лидеры: легитимность и политика»

Ведущий: *Панов Петр Вячеславович*

Выступления:

Шентякова Анна Владимировна. Отношение к политическим лидерам и институтам в условиях пандемии коронавируса (по материалам фокус групп)

Фадеева Любовь Александровна. Политические лидеры как акторы политики идентичности в современном внешнеполитическом контексте

29.10.2021. Пятница.

10:30 – 12:00. Сессия «Элиты и политическое лидерство в условиях цифровизации»

Ведущий: *Быстрова Алла Сергеевна*

Выступления:

Кочетков Александр Павлович. О формировании цифровой элиты, как новой страты глобально-информационного общества

Попова Ольга Валентиновна. Политическое лидерство в эпоху цифровизации: факторы, требования, технологии

12:05 – 13:35. Сессия «Проблема представительства в политическом пространстве»

Ведущий: *Попова Ольга Валентиновна*

Выступления:

Ачкасов Валерий Алексеевич. Перестали ли быть политическими акторами лидеры региональных националистических организаций?

Колесник Наталья Владимировна. «Хрупкое представительство» в большой политике: случай административной элиты

13:35-14:05. Перерыв.

14:05 – 15:35. Сессия «Правящий класс и власть: современные тенденции»

Ведущий: *Ачкасов Валерий Алексеевич*

Выступления:

Соловьев Александр Иванович. Государственные перевороты в структуре активности правящего класса

Римский Владимир Львович. Архаизация судебной власти России

15:40 - 17:10. Сессия «Административная власть в России»

Ведущий: *Соловьев Александр Иванович*

Выступления:

Мохов Виктор Павлович. "Стеклянные потолки" на государственной гражданской службе в РФ: попытка интерпретации

Дука Александр Владимирович. Социально-пространственная мобильность региональных административных элит

30.10.2021. Суббота.

11:00 – 12:30. Сессия «Элиты в мировом контексте»

Ведущий: *Завершинский Константин Федорович*

Выступления:

Мацузато Кимитака, Сельцер Дмитрий Григорьевич. Кадры КПК накануне прихода Си Цзиньпина (по результатам полевого исследования 2011 г.).

Гаман-Голутвина Оксана Викторовна. Внешняя политика Российской Федерации в контексте возрастания конфликтности: актуальные вызовы.

12:35 – 14:05. Сессия «Власть в регионах: тенденции эволюции»

Ведущий: *Римский Владимир Львович*

Выступления:

Даугавет Александра Борисовна. Региональная власть в Санкт-Петербурге (2000-2021): совершенствование или смена институционального порядка

Жуков Дмитрий Сергеевич. Какими могут быть региональные элиты России к 2035 году: некоторые результаты экспериментов с системно-динамической моделью

14:05-14:35. Перерыв.

14:35 – 16:05. Сессия «Власть: теоретические дискуссии»

Ведущий: *Сельцер Дмитрий Григорьевич*

Выступления:

Гуторов Владимир Александрович. Биовласть и политическое: актуальные аспекты современных дискуссий

Завершинский Константин Федорович. Поколения элит vs элита поколения: коммуникативные измерения политической социализации элит

16:05-16:10. Закрытие семинара

Продолжительность доклада – 25-30 минут, вопросы и дискуссия по докладу – 10-15 минут.

Адрес проведения семинара

Семинар проводится дистанционно через систему конференции ZOOM.

Время: 28 октября 2021 11:00 AM Москва

29 октября 2021 10:30 AM Москва

30 октября 2021 11:00 AM Москва

Подключиться к семинару Zoom:

<https://us02web.zoom.us/j/86096547248?pwd=Vzlwc3ZOc3AwU1k3aEJzbzRBSkVSdz09>

Идентификатор семинара: 860 9654 7248

Код доступа: 842268

Аннотации выступлений участников семинара

В. А. Ачкасов

(факультет политологии СПбГУ, г. Санкт-Петербург)

Перестали ли быть политическими акторами лидеры региональных националистических организаций?

Усиление в 2000-е гг. федеральных политических институтов и ослабление роли региональных привело не только к радикальному изменению отношений по линии центр – периферия, но также и к тому, что этнонациональные движения перестали рассматриваться региональными политическими лидерами как важный ресурс давления на федеральный центр, а ослабление политической поддержки со стороны власти заставило лидеров этнонациональных организаций не только поменять их статус, но и публично отказаться от многих политических концептов, являвшихся важными составляющими их идеологий. Но перестали ли местные этнические и региональные организации и их лидеры быть политическими акторами? Нет, этого не произошло.

Деконцептуализация национализмов и формальная деполитизация этнических и региональных этнонациональных организаций привели к поиску новых сфер, в которых региональные этнонационалистические практики могли бы продолжать существовать. Для активистов этнических организаций 1990-х гг. в новых условиях именно защита национального языка, религии и истории стали новой формой идеологии, поскольку от своих прежних политических целей многие из них отказываться не хотели. Наиболее удачливые и гибкие пошли на государственную службу, другие ушли в систему образования и СМИ, продолжая свою «работу» по защите национальной идентичности и формированию молодых «национальных кадров». Началась активная диффузия националистических идей в сферу языковой, культурной, образовательной, кадровой политики этнических регионов России. Этнический и местный национализм стал маскироваться под культурные, религиозные и социальные практики, но в такой «замаскированной» форме он также может иметь разрушительный характер, а потому потенциальная угроза эскалации агрессивного этнонационализма и связанного с ним сепаратизма в современной России остается.

А. С. Быстрова

(Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург)

Административные элиты регионов РФ: динамика типов карьер и карьерных траекторий (2004-2021 годы)*

Эмпирической базой исследования типов карьер и карьерных траекторий административных элит субъектов РФ является массив биографий, обнимающий период 2004-2021 годов. По некоторым регионам есть и более ранние данные. Первоначально в поле нашего внимания было четыре региона. В настоящее время база включает биографии чиновников высшего уровня десяти регионов РФ: Санкт-

Петербург, Ленинградская, Калининградская, Костромская, Новосибирская и Ростовская области, Ставропольский и Хабаровский край, Москва и Республика Дагестан.

Множество теорий и типологий карьер можно представить как два больших кластера исследовательских подходов. В центре одного – сами акторы, в центре другого – социальный контекст, определяющий структуру возможностей для индивида и ресурсы для реализации этих возможностей. Подходы дополняют друг друга, позволяют видеть предмет и объект анализа более объемно, сбалансировать наши представления о причинно-следственных связях.

Собственные исследования сектора социологии власти и гражданского общества продолжаются более 20 лет. Это в основном исследования региональных элит. Среди различных типологий наиболее адекватными нашим задачам оказалась классификация карьер как профессиональных и социальных. То есть по критерию приверженности индивидов определенным видам деятельности в карьере, характеристикам карьерных траекторий.

По данным многих исследователей к началу 80-х годов (период застоя) – преобладающий тип карьеры – профессиональный. Период рубежа 1980-90-х годов, даже несколько ранее, и до середины 90-х – сдвиг в сторону социального типа.

Анализ баз данных 2004-2005 и 2009-2010 годов. Изучение типов карьер представителей региональной административной элиты и факторов, влияющих на их различия, позволило сделать следующие выводы. В отличие от экономической элиты, для которой преобладающим типом карьеры является профессиональная карьера, чиновникам свойственны также социальные карьеры. То есть карьерам значительной части бюрократов свойственны определенные зигзаги – перемещения по горизонтали или вертикали из административно-управленческой сферы деятельности в иную и обратно. Хотя карьеры почти 60% чиновников можно было отнести к профессиональному типу. Наблюдалось некоторое постарение элиты по тем четырем регионам, по которым можно было провести сравнение. Довольно значительную часть региональной административной элиты можно было отнести к поколению «застоя». Уменьшилась доля администраторов, занявших свою нынешнюю должность до 40 лет. Сохранилась тенденция уменьшения доли первого технического высшего образования. Но несколько вырос удельный вес чиновников, имеющих опыт работы в силовых структурах. Что касается бассейна рекрутирования региональных чиновников, то по показателям предшествующей и предпредшествующей работы уменьшилось значение бизнеса, как источника кадров. Сохраняющийся довольно высокий уровень эндогенности административной элиты косвенно свидетельствует о небольшой мобильности и ограниченных возможностях продвижения на более высокие уровни. По-прежнему имеет место формирование административного корпуса элит регионов в связи со сменой губернаторов.

Сравнение результатов предшествующих исследований с данными базы 2020-2021 годов. Укрепилась тенденция профессионализации административной элиты. По показателям предшествующей и предпредшествующей работы административно-управленческая деятельность достигла 82% и 69% соответственно. Соответственно еще больше уменьшилось значение бизнеса как бассейна рекрутирования чиновников регионов. Продолжается уменьшение значения первого высшего технического образования. Практически не осталось в составе административной элиты лиц, социализация которых проходила в период

«оттепели». Представителей поколений «застоя» и «перестройки» - 1/3 и 1/4 соответственно. Уменьшилось значение номенклатурного опыта. Обладателей навыков и умений деятельности в условиях советской системы управления стало совсем немного – около 5%. Отмечается тенденция вступления в первую элитную должность в более раннем возрасте. Силовой опыт в карьере имеют 22% администраторов против 17% в базе 2009-2010 годов.

** «Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31304.*

В. А. Гуторов
(факультет политологии СПбГУ, г. Санкт-Петербург)

Биовласть и политическое: актуальные аспекты современных дискуссий*

Концепция биополитики и ее многообразные версии, возникшие во второй половине 20 века и приобретающие в наши дни особенную интенсивность, затронули фактически все уровни политического знания – от классической политологии до различных направлений политической теории и систем политической философии, знаменуя весьма характерный поворот в интерпретации понятия «политическое». В современной научной и философской литературе широко представлены различные гипотезы относительно причин подобного дискурсивного поворота. Например, в книге «Психополитика: неолиберализм и новые технологии власти» швейцарско-немецкий философ и теоретик культуры Бюнг-Чул Хан специально выделяет принципиально важное замечание Мишеля Фуко о том, что начиная с семнадцатого века власть перестала проявляться как способность богоподобного властителя предрешать смерть и вместо этого приняла дисциплинарную форму. Сила суверенитета — это мощь меча. Он угрожает смертью и использует «привилегию овладевать жизнью, чтобы подавлять ее». Напротив, дисциплинарная власть — это не сила, имеющая дело со смертью, а власть над жизнью: ее функция больше не убивать, а «повсеместно инвестировать в жизнь». Таким образом, «старая сила смерти» уступает место осторожному «управлению телами» и «расчетливому управлению жизнью». Дисциплинарная власть открыла «население» как производительную и репродуктивную массу, которой нужно тщательно управлять. К этой задаче и обращается биополитика. Репродуктивные циклы, рождаемость и смертность, уровень общего здоровья и ожидаемая продолжительность жизни являются объектами регулирования. Фуко открыто обсуждает биополитику населения. Биополитика — это государственная технология дисциплинарной власти. Однако такой подход оказывается совершенно непригодным для неолиберального режима, который эксплуатирует прежде всего психику. Биополитика, использующая статистику населения, «не имеет доступа к психическому царству». Она не может дать материал для составления психограммы населения. Но неолиберализм как дальнейшее развитие и по сути - видоизмененная форма - капитализма, не рассматривает «биологическое, соматическое и телесное» в качестве приоритетов. Он открыл *psyche* как производительную силу. Этот психический поворот, то есть поворот к психополитике, также связан с характером

деятельности современного капитализма. Теперь нематериальные и нефизические формы производства определяют курс капитализма [Byung-Chul Han, 2017. p. 39-40].

В книге «Забота о молодежи и поколениях» французский философ и антрополог Бернар Стиглер настаивает на том, что концепция биовласти Фуко уже не соответствует времени: «Биовласть Фуко, которую он сам описывает..., локализуя ее в Европе исторически и географически, больше не является силой, стоящей за нашей эпохой». По его мнению, на смену биовласти приходит «психотехнологическая психовласть» [Stiegler, 2010, p. 126].

В другой своей работе «Состояния шока: глупость и знание в 21 веке» Стиглер отмечает, что современная публичность как социальное явление (*modern public thing*) возникло в девятнадцатом веке в форме национального государства. «Бертран Гилле показал, что его первая цель заключалась в уменьшении диспропорции между технической системой и социальными системами путем сохранения последних, то есть путем поглощения потрясений». Однако, консервативная революция, решив, что «правительство является проблемой, а не решением», стремится к ликвидации всей государственной власти, которую нужно заменить маркетингом как светским рычагом частной финансовой власти. Последняя привержена оркестровке постоянных потрясений. При этом речь идет о «мягких» и психологических потрясениях, центром которых являются предметы потребления. «Это позволяет установить крупномасштабные (глобальные) процессы “коллективного выстраивания в одну линию” (*‘co-linearization’*), посредством которых психические цели подчиняются требованиям экономической сферы, а социальные цели замыкаются». После «консервативной революции» именно маркетинг определяет условия, в которых социализируются технологические инновации, заменяя общественные политические системы. «Эти системы до сих пор позволяли социальным системам адаптировать техническую систему, “трансформируя и трансиндивидуализируя становление в будущее [*le devenir en avenir*]” и тем самым открывая возможность второго момента эпохального удвоения, посредством которого короткие замыкания в переходном состоянии уступают место длинным замыканиям» [Stiegler, 2015. p. 175-176].

Одно из наиболее существенных возражений, с которыми обычно сталкиваются сторонники концептуальной модели биовласти, разработанной М. Фуко, состоит в следующем: «Почему суверенная власть, которой теперь по большей части отведена подчиненная роль, продолжает определять наше понимание политического? Иными словами, если биовласть действительно стала широко распространенной современной моделью власти, как утверждает Фуко, почему она не узнаваема как таковая?» [Cisney, Morar, p. 14].

По мнению Антонио Негри, Фуко начал разрабатывать свою концепцию в рамках уже сложившихся идейной парадигмы: структурализм атаковал «автономию политического» и любую идеологию, которая изолировала функцию политического от экономической и социальной борьбы. Хотя в структурализме политическое уже приобрело биополитический оттенок, «переход Фуко к биополитическому не был буквальным переводом положений франкфуртской школы («Одномерный человек» Маркузе), где человеческое все еще воссоединяется вокруг онтологии власти, пусть даже в состоянии отчуждения и всеобщего деспотизма. У Фуко мы имеем дело с полной противоположностью, потому что человеческое волнуется, движется и изменяется. Другими словами, поскольку структуралистский контекст

преодолевается субъективностью, он открывает множество измерений» [Negri, 2016, p. 53-54].

Обозначенные выше дискуссии вокруг новых проблем политической онтологии находят отклик в современной политологии и политической психологии. Их воздействие проявляется в формировании новых психополитических интерпретаций власти, например, в трех новейших теориях, в рамках которых анализируются различные типы политического лидерства и реакции социальных групп – «власть как контроль» (Power as Control); «власть как угроза» (Power as Threat); «власть: приближение и сдерживание» (Power, Approach, and Inhibition) [см.: Leadership and Power, p. 140 sq.].

Литература

1. Byung-Chul Han. Psychopolitics: Neoliberalism and New Technologies of Power. London; New York: Verso, 2017. 96 p.
2. Cisney V.W., Morar N. Introduction: Why Biopower? Why Now? // Biopower: Foucault and Beyond / Ed. by Vernon W. Cisney, Nicolae Morar. Chicago; London: University of Chicago Press, 2016. P. 1-25.
3. Leadership and Power: Identity Processes in Groups and Organizations / Ed. by Daan Van Knippenberg, Michael A. Hogg. London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications, 2003. 263 p.
4. Negri A. At the Origins of Biopolitics // Biopower: Foucault and Beyond / Ed. by Vernon W. Cisney, Nicolae Morar. Chicago; London: University of Chicago Press, 2016. P. 48-64.
5. Stiegler B. Taking Care of Youth and the Generations. Stanford, California: Stanford University Press, 2010. 238 p.
6. Stiegler B. States of Shock: Stupidity and Knowledge in the 21st Century. Cambridge: Polity, 2015. 280 p.

** Тезисы подготовлены при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований, проект № 21-011-31167 «Неолиберализм в современном политическом дискурсе: “посттрадиционный порядок” и кризис идентичности».*

А. В. Дука

(Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург)

Социально-пространственная мобильность региональных административных элит*

Существует общее представление, что элиты более мобильны, чем основное население. Тем более, что российское население в большинстве своем «домоседы». Это различие связано с положением властных персон в иерархии. Об этом свидетельствуют как данные статистики, так и социологических исследований. Вместе с тем, мобильность элитных персон не является константой.

Для характеристики «пространственной устойчивости» используется термин «эндогенность», который несколько шире, чем просто фиксация определенной степени пространственной мобильности индивида или социальной группы относительно конкретной биографической вехи – рождения, получения (высшего) образования, занятия той или иной должности и т.п. - в ее привязке к административному / географическому / политическому месту. В данном случае под укорененностью понимается устойчивая связь индивида (политика, администратора) с местным сообществом, его интересами и потребностями. «Устойчивая связь» основывается на встроенности в местное сообщество и возникающие при этом социальные отношения различного уровня и характера.

Эмпирической базой исследования являются базы биографических данных членов элитного сообщества десяти регионов. В центре анализа находятся административные элиты, с фиксированной позицией на 2020 г. (464 чел.) Проводятся сравнения с депутатами региональных legislatures (660 чел.). Также привлекаются материалы баз данных 2010 г. и 2015 г., а также данные Росстата.

Обнаружено следующие:

Существует большой разброс характеристики эндогенности по регионам. Нет единой модели.

Показатели эндогенности у администраторов и депутатов / политиков не совпадают, но близки.

В большинстве регионов существует значительное отличие паттернов пространственной мобильности населения и элит.

Наблюдается дифференциация показателей эндогенности по возрастным группам. Более молодые политики и администраторы оказываются менее мобильными, более эндогенными. Это может говорить о возникновении устойчивых региональных бассейнов рекрутирования.

Существует различие в показателях эндогенности административной элиты в зависимости от места рождения типа поселения.

Вопреки ожиданиям, наличие «пришлого» губернатора («варяга») не оказывает существенного влияния на показатель эндогенности региональной административной элиты, что может свидетельствовать об относительной автономности региональных бюрократов.

Показатель валового регионального продукта на душу населения не влияет на показатели эндогенности элит.

** «Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31304*

Д.С. Жуков

(Тамбовский государств. университет имени Г.Р. Державина)

Какими могут быть региональные элиты России к 2035 году: некоторые результаты экспериментов с системно-динамической моделью*

Цель представленного исследования – сконструировать возможные сценарии трансформации российских региональных административно-политических элит в 2022 – 2035 годах.

Основной инструмент исследования – системно-динамическая модель, которая была составлена на материалах некоторых областей и республик центральной России за 1985 – 2020 годы. Модель реализуется посредством программы Powersim Studio 10. Модель включает в себя важнейшие механизмы и каналы рекрутирования элит, а также акторов, которые влияли на элитозамещение. В ходе компьютерных экспериментов с моделью мы можем отследить, из каких сред, когда и в каком количестве новобранцы проникали в состав элиты. Причём, в ходе таковых экспериментов, изменяя управляющие условия и поведение акторов, можно получить как базовый инерционный сценарий, так и контр-фактические (альтернативные) сценарии прошлого, а также прогностические сценарии, возникшие в результате тех или иных событий и обстоятельств, гипотетически возникших в ближайшем будущем.

Мы построили шесть сценариев с горизонтом прогнозирования до 2035 года: «Умеренная технократия», «Форсированная технократия», «Радикальная технократия», «Регентство», «Вертикализация», «Украинизация». В докладе представлены некоторые общие итоги моделирования; один из сценариев рассмотрен более детально.

Поскольку любая модель — это всегда упрощение, сценарии мы рассматриваем не как некое «предсказание», а как рабочий инструмент для изучения свойств, состояния и трансформационного потенциала реального исследовательского объекта.

** Работа выполняется совместно с Д.Г. Сельцером в рамках проекта РФФИ 20-011-00105-а.*

К. Ф. Завершинский
(факультет политологии СПбГУ, г. Санкт-Петербург)

Поколения элит vs элита поколения: коммуникативные измерения политической социализации элит

Концептуальная сопряженность понятий «элита», «поколение» и «политическая социализация» достаточно устойчиво присутствует в дискурсе научных исследований социокультурной динамикой политических элит, связанного с их циркуляцией, активностью в сфере легитимации политических решений, политической самоидентификации и конструирования национальной идентичности. Наиболее очевидно подобная семантическая смежность артикулирована в исследованиях, связанных с политикой элит по отношению к молодым возрастным стратам, контролем за их политической активностью и обеспечением политической преемственности в реализации политики элитного доминирования.

В элитологических исследованиях сопряженности процесса трансформаций политических элит, полеческой динамики и процесса политической социализации можно артикулировать две магистральных традиции, так или иначе связанные с теоретико-методологической спецификой структурно-функционального и институционального анализа феномена элит. В теоретических рамках первой традиции, позитивистской в своих основаниях, молодёжь рассматривается как потенциальный актер политического процесса, нуждающийся в контроле элит

старших поколений. Процесс же политической социализации и идентификации молодежи рассматривается как политизация возрастного меньшинства, обусловленная в конечном счете качеством и эффективностью «поколения элит» и создаваемых ими институтов политической социализации, выступающих от лица социализированного старшего поколения.

В основе второй исследовательской стратегии прослеживается посылка, что не существует универсальных нормативных характеристик политической социализации молодежи, поскольку они зависят от конкретных исторических, социальных, экономических и культурных условий, а символическая репрезентация молодежи в политической культуре связана с особенностями восприятия возрастными стратами пространственных и темпоральных границ политических коммуникаций, характерных для тех или иных сообществ на конкретном этапе их политической институционализации. В рамках этой исследовательской парадигмы, как уровень политической активности молодежи, так и политическая социализация элит зависит не только от функционирования элит и институтов политической социализации, но от пространственно-временного дизайна событийной ситуации, в которой существуют возрастные страты. В этом теоретическом контексте новое политическое поколение, объединяющие возрастные страты и, соответственно, новая «элита поколения», возникают не только из альтернативных молодежных субкультур или практик господства «старшего поколения элит», а в результате рождения и столкновения многообразных нарративов политической идентичности в коммуникативном и весьма конфликтном пространстве современной политической памяти.

Качественные трансформации современных политических коммуникаций все очевидней выявляют ограничения традиционных моделей политической идентификации и социализирующей активности политических элит. Глобализация и новые коммуникативные технологии расширили возможности для политизации публичной сферы, минуя создаваемые политическими элитами институты политической социализации. Усиливаются процессы индивидуализации политических коммуникаций, порождая риски, связанные с появлением новых закрытых пространств, тотального тиражирования профанных знаний о политике в национальных пространствах. В современных политических коммуникациях растет действенность и автономия «иконической власти», чувственно-образной символизации политического, что амбивалентно влияет на позиционирование как на молодые, так и возрастные страты, культивируя/подавляя чувство поколенческой солидарности и порождая новые формы политического активизма, перерастающего в агрессию, или эскапизм консюмеризма. Существующие политические элиты стремятся поддерживать институционально свою организационную идентичность, но терпят неудачи в своей политической самоидентификации и политики идентичности.

В политической памяти национальных сообществ прослеживается процесс конфликтной борьбы «политик памяти», как следствие диверсификации и асинхронизации больших нарративов политической идентификации. В связи с чем представляет интерес теоретико-методологическая позиция тех исследователей, которые полагают, что социологический взгляд на коммуникативную динамику современной политической социализации должен быть скорректирован в контексте модели «асинхронности» («разновременности»). Успешность политической социализации возрастных страт и появления «элиты поколения» существенно

зависит не только от целенаправленной организационной или идеологической политики культурных и политических элит старших поколений, а от коммуникативной динамики структурирования горизонтов ожиданий возрастных страт. Политическая социализация в конкретном обществе – всегда «самосоциализация» с вариативными культурными программами и неоднозначными результатами. Процесс политической социализации и активности возрастных страт в контексте подобной исследовательской установки не работает согласно функционалистскому или институциональному сценарию. Важно учитывать динамику асинхронности («разновременности») различий в символическом восприятии политического времени возрастными стратами и связанную с этим значимость для возникновения политических поколений и, соответственно, «элит поколений», специфику оформления или деконструкции «абсолютных» политических событий и больших политических нарративов.

Н. В. Колесник

(Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург)

Хрупкое представительство» в большой политике: случай административной элиты*

Проблема «феминизации» административной элиты оказывается крайне важной для понимания процесса трансформации власти, векторов развития российского общества в условиях нестабильности. В этой связи научную проблему представляет не только изучение процесса гендерной представленности в данном сегменте власти, но и прояснение самого концепта «административная элита», определение того, как соотносятся административная и политическая элиты. Доклад основан на данных эмпирического исследования административной элиты десяти российских регионов, которое было проведено в 2020-2021 гг. Особое внимание уделено следующим исследовательским сюжетам: социальные и профессиональные характеристики министров, модели рекрутирования и их карьерные траектории, влияние политического режима на процесс отбора.

** «Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31304.*

А.П. Кочетков

(факультет политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва)

Цифровая элита как новая страта глобально-информационного общества

С наступлением цифровой эпохи появился запрос на смену правящей элиты, которая бы соответствовала требованиям нового времени, стала бы драйвером цифровых преобразований. Поэтому формирование цифровой элиты является закономерным, отвечающим современным условиям развития мировой цивилизации.

Цифровое общество – это технократическое общество, в котором наиболее важным становится не только собственность, деньги, а обладание технологиями, умение их создавать, осуществлять с их помощью контроль за развитием экономики и общества. В цифровом обществе чрезвычайно возрастает роль субъекта передачи и контроля информации, что дает этому субъекту, по существу, огромную власть в мировом социуме и объективно способствует формированию новой правящей элиты.

Это - цифровая элита, т.е. социальная страта, занимающая ключевое положение в сетевом сообществе, обладающая креативными способностями, контролирующая информационные потоки и банки данных, которая может использовать достижения современных информационных технологий для управления экономикой и обществом в своих целях.

По мнению некоторых исследователей (Д. Бэрнхем, М. Линла и др.), одной из наиболее важных составляющих в цифровом обществе станет умение генерировать новые цифровые технологии, что создает условия для расширения правящей элиты за счет включения в ее состав тех, у кого есть креативные способности создания новых технологий. Эти новые представители правящей элиты, как эксперты и менеджеры, получают более широкие возможности участия в государственном управлении.

В последние десятилетия в IT корпорациях появились такие фигуры, претендующие на то, чтобы их называть цифровыми элитами, как Эрик Шмидт топ-менеджер Google, Джон Томпсон топ-менеджер Microsoft и др. Но они не являются основными владельцами своих компаний, не принимают главные решения по важнейшим вопросам их деятельности, а, значит, не оказывают определяющее влияние на управление социально-экономическими процессами. Эти функции остаются у основных владельцев СМК, которые могут считаться или не считаться с мнением любого креативного топ-менеджера или эксперта, а при необходимости применять различные рычаги воздействия на него, даже могут его заменить.

Поэтому, под дефиницией «цифровые элиты» необходимо понимать, прежде всего, владельцев транснациональных IT компаний, которые господствуют на мировом IT пространстве и стремятся на основе новейших цифровых технологий создать систему глобального управления. Отдельные представители креативных топ-менеджеров крупнейших мировых IT корпораций (Google, Microsoft, Alphabet, Amazon и Facebook) могут войти в состав формирующейся цифровой элиты. Однако ее основу составят, прежде всего, хозяева этих корпораций.

Все это ставит серьезную проблему формирования цифровой элиты, которая будет носить особый характер. Ее высокий статус станет определяться не прежними критериями - достатком, образованностью, близостью к власти, а монополией на обладание основными IT ресурсами, технологиям и наличием опыта пользования и управления с их помощью экономикой и обществом. Эта цифровая нетократическая элита выходит из-под контроля граждан, т.к. ей никто не делегирует полномочия управлять на основе признаваемых в обществе процедур.

Россия имеет свои IT компании, такие как Mail.Ru Group, Cognitive Technologies (разработки систем искусственного интеллекта для беспилотного транспорта), Grabr (интернет-сервис любых доставок) и др. Но есть ли в современной России крупные IT корпорации, которые, кроме государства, контролируют или способны контролировать основные информационные потоки? Скорее всего, нет, т.к. по своему информационно-техническому развитию Россия

находятся на более низком технологическом уровне, чем наиболее развитые страны мира, не имеет, например, отечественного интернета. Даже Яндекс, созданный российскими гражданами, с 2012 года, находится под сильным влиянием иностранных акционеров.

Тем не менее, в январе 2021 года правительство РФ утвердило перечень российских программ для предустановки на продаваемые в России смартфоны, компьютеры и умные телевизоры с 1 апреля 2021 года. Например, для планшетов и смартфонов с Android и iOS должны предустанавливаться, в том числе «Яндекс.Браузер», поисковик «Яндекс», «Почта Mail.ru», «Новости Mail.ru», «Госуслуги» и другие. «Ростех» начал работу по формированию консорциума разработчиков оборудования для сетей 5G, к участию в котором предполагается привлечь всех заинтересованных в этом российских разработчиков.

Таким образом, в процессе развития цифрового общества в России разворачивается борьба между международными IT гигантами и российскими государственными корпорациями за контроль над его формированием, а сама российская цифровая элита может вырасти, прежде всего, из современных российских правящих элит.

Кимитака Мацузато

(Департамента права и политологии Токийского университета, г. Токио, Япония)

Д.Г. Сельцер

(Тамбовский государств. университет имени Г.Р. Державина, г. Тамбов)

Кадры КПК накануне прихода Си Цзиньпина (по результатам полевого исследования 2011 г.)

В докладе подводятся некоторые итоги совместной эмпирической работы авторов по осмыслению кадровой политики КПК на фоне общих трансформационных процессов в КНР последних десятилетий.

Доклад структурно состоит из четырех частей: 1. этапы кадровой политики КПК, 2. место 2011 г. в общей логике кадровой политики КПК, 3. организация и дизайн исследования, 4. результаты и научные перспективы.

В 1949 г. после окончания гражданской войны в Китае и провозглашения КНР в системе государственного управления начинают применяться заимствованные в СССР номенклатурные механизмы формирования корпуса чиновников всех уровней. В 1956 г. Мао Цзэдун в речи на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК сформулировал необходимость строительства социализма, отвечающего китайским реалиям, а не копирующего опыт СССР. В ходе кампании «ста цветов» 1956–1959 гг. провозглашалось первостепенное значение собственного управленческого опыта КПК, ценность советского опыта отрицалась. В 1964 г. произошел окончательный разрыв с СССР, закрепившийся в ходе «Великой пролетарской культурной революции». В Китае сформировалась своя система подготовки, воспитания, перестановки кадров государственного управления, имеющая, впрочем, очевидные базовые сходства с советской номенклатурной системой, в основе которой лежали замещение партией государства и тотальный контроль компартией всех кадровых процессов.

В 1984 г. проведена реформа системы управления, принимаются «Правила деятельности номенклатурных работников». В 1986 г. Дэн Сяопин на совещании Политбюро ЦК КПК призвал вернуть в повестку вопрос о политической реформе, предполагавшей, в т.ч., и реформу кадровой системы. В 1987 г. на 13-м съезде КПК было принято решение о проведении политической реформы путём разделения партийного и административного аппаратов, а также дальнейшего совершенствования системы госуправления. В 1988–1989 гг. случился острый социально-политический кризис, кульминацией которого стало подавление студенческих выступлений на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г. Политическая реформа в трактовках 13-го съезда была заморожена.

В 1993 г. были приняты и введены с 1 октября «Временные положения о госслужащих». В 2005 г. на основе «Временных положений» был принят и начал реализовываться в практической кадровой работе полноценный Закон КНР о государственной службе.

Исследование К. Мацузато и Д. Сельцера было проведено в 2011 г., когда в Китае был накоплен вполне определенный опыт реализации закона. Как раз его – этот опыт – методом глубинного интервью и изучал коллектив. Приход во власть в 2012 г. пятого поколения китайских руководителей во главе с Си Цзиньпином многое изменил в кадровой политике и, шире, в политической жизни КНР. Была взята линия на жесткую борьбу с проявлениями коррупции, произошел возврат контроля партии над всеми сферами жизни общества, вновь возник интерес к изучению опыта крушения СССР и КПСС. Поэтому исследование, проведенное в 2011 г. фокусировалось на изучении вполне конкретного и самостоятельного рубежа в кадровых процессах КПК/КНР.

В. П. Мохов

**(Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
г. Пермь)**

«Стеклянные потолки» на государственной гражданской службе в РФ: попытка интерпретации

В постсоветской России на государственной гражданской службе существуют многоуровневые «стеклянные потолки», под которыми в дальнейшем понимаются неформальные фильтры в карьерном продвижении в системе государственного управления. «Стеклянные потолки» возникают в структурах государственной власти и управления в нескольких критических точках, являющихся своеобразными рубежами, за которыми представительство женщин в системе управления значительно падает.

«Стеклянные потолки» на государственной службе возникают не спонтанно, они являются свидетельством определенного социального порядка: произошло «опривычивание» представлений о том, что ключевые решения должны приниматься мужчинами, а женщины должны лишь осуществлять те принципиальные решения, которые вырабатываются мужчинами. «Маскулинность» (Здравомыслова, Тёмкина) управленческой культуры во многом опирается на традиционность представлений о роли женщины в жизни общества.

В определенном смысле можно сказать, что «постсоветская политика сохраняет некоторые черты гендерной идеологии прошлого, в силу чего политическое руководство женщин либо подчинено принципу «не выделяться» в своих решениях, а соответственно и в позиционировании, либо сосредоточено на модели поведения «политический унисекс»» (Овчарова).

В постсоветский период произошла архаизация гендерных ролей в системах власти и управления, что выразилось, в первую очередь, в снижении доли женщин в органах государственной власти на всех ее уровнях.

В постсоветский период, когда советские ограничения исчезли, рыночные механизмы привели к «вымыванию» женщин из структур власти. Как отметил М.К. Горшков, «в пореформенной России гендерные стереотипы «пронизывают» все общественные отношения (сферу занятости, политику, отношения в семьях и пр.).

Доминирование мужчин в высших эшелонах органов государственного управления имеет многообразные причины. За этим доминированием стоят «гендерные разрывы в поведении и убеждениях наших сограждан...», которые являются отражением «...неравной интеграции мужчин и женщин в различные сферы социума, включая сферы политической и гражданской активности» (Г.С. Айвазова).

Вместе с тем, консервативный поворот, который наблюдается в политике ряда государств, поворот к патриархальным ценностям, создают условия для консервации движения к гендерному равенству и переобоснованию роли женщины как хранительницы очага, к традиционалистским семейным ценностям.

В структурах государственного управления РФ существуют незримые должностные границы, переход через которые меняет гендерное содержание властного и управленческого потенциала. В органах управления это, как правило, высшие группы должностей среди категорий специалистов, помощников и руководителей. Именно с этих позиций начинается безусловное доминирование мужчин, и оно растет по мере повышения должностного статуса.

Внутри каждой группы должностей в органах исполнительной власти РФ происходит нарастание гендерного дисбаланса: даже при формальном женском доминировании в определенной категории должностей у мужчин по мере повышения статусности должностной группы происходит увеличение шансов на занятие более высокой должности. В среднем эти шансы по каждой категории должностей у мужчин выше примерно в 2-2,5 раза.

Это тем более важно отметить, что в Европейском Союзе политика движение в сторону гендерного равенства носит характер политической ценности. Государственное регулирование происходит в виде конструирования институциональной среды, политических инициатив, концепций, программ и т.д. Таким образом, новый гендерный порядок создается путем огосударствления сферы формирования кадрового потенциала системы государственного управления.

В России существует «Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 гг.», которая получила противоречивую оценку.

О чем свидетельствует функционирование «стеклянных потолков» в системе государственной гражданской службы в РФ?

1. Это определенная система, которая носит институциональный характер. Ее причины - в социальных ориентирах масс, воспроизводимых в том числе и в правящем классе. «Стеклопотоки» формируются как на уровне локальном (в определенных должностных позициях), так и на системном (при переходе на высшие

позиции в должностных категориях, при переходе от должностей гражданской службы к государственным должностям).

2. «Стеклянные потолки» отражают общественное разделение труда, характерное для индустриальной стадии развития общества, когда менее статусные позиции в системе государственного управления начинают замещаться женщинами, которые выполняют вспомогательную, обслуживающую роль. С одной стороны, это шаг вперед, прорыв по сравнению со средневековым или раннеиндустриальным обществом, с другой стороны, в силу технологической отсталости и процессов деиндустриализации в РФ, стали определенным «запасным аэродромом» для самих женщин, их семей в условиях нового рыночного порядка.

3. Государственное управление стало «женским» в своем количественном измерении, но осталось маскулинным по своему властному содержанию.

4. «Стеклянные потолки» в РФ различаются в своем региональном измерении. Регионы с традиционалистским укладом показывают значительно более высокий удельный вес мужчин в органах государственного управления по сравнению со средними значениями по РФ.

5. «Стеклянные потолки» есть отчасти и результат низкого уровня «воли к власти» у женщин, значительную часть которых вполне удовлетворяет роль семейного лидера. Это – элемент социальной культуры, внутренних установок, сформированных в семье, социальным окружением.

6. «Стеклянные потолки» отражают дисбаланс в органах управления, который сложился не сейчас, он явился результатом постсоветского социального отката, когда на место квотирования представительства женщин в органах партийной и государственной власти пришел неуправляемый (с гендерной точки зрения) процесс формирования кадров органов власти и управления. Рыночные механизмы, освобожденные от государственного контроля, изменили гендерный состав властных органов, привели к диспропорциям в аппарате управления. Во многом это определялось спецификой процессов первоначального накопления капиталов в России.

7. Оценка значимости «стеклянных потолков» вряд ли должна зависеть от соответствия «международным» нормам, российского постсоветского опыта, традиционалистских установок и других факторов «нематериального» характера. «Стеклянные потолки» на государственной гражданской службе в РФ есть объективный результат слабой вовлеченности женщин в постиндустриальное производство в условиях глобализации, в рамках которой изменяется баланс между государственными институтами и глобальными бизнес-процессами.

П.В. Панов

(Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН)

Региональные элиты и регионалистские проекты в «неэтнических» регионах России

Регионалистские движения в постсоветской России хорошо изучены применительно к этническим республикам, однако в «ситуации неопределенности» начала 1990-х гг. регионалистские проекты получили достаточно широкое распространение и в «неэтнических» регионах. Это был явно выраженный

«реактивный регионализм»: опасаясь, что на фоне увеличения полномочий республик «русские» области и края окажутся «второсортными», региональные элиты стали выдвигать проекты, нацеленные на повышение их статуса до уровня республик. Несмотря на то, что со второй половины 1990-х гг. произошел спад регионализма, в некоторых регионах регионалистские проекты сохранились. Возникает вопрос, как развиваются и легитимируются «неэтнические» регионалистские проекты. Теоретически их эффективность связана с конфигурацией акторов, а также с тем, насколько акторам удастся наполнить их легитимирующими смыслами. Наиболее благоприятной представляется такая конфигурация, когда в продвижении проекта участвуют все три группы акторов: региональные власти («регионализм сверху»), активисты («регионализм снизу»), интеллектуалы. Поэтому для углубленного исследования были отобраны те регионалистские проекты (Балтийская республика в Калининградской области, Уральская республика в Свердловской области и Поморская республика в Архангельской области), где на протяжении второй половины 1990-х и в 2000-е гг. в отдельные периоды складывалась благоприятная конфигурация акторов, но поскольку во всех случаях она менялась, сравнительный анализ этих проектов в динамике позволяет ответить на поставленный вопрос. В результате исследования сделан вывод, что наличие благоприятной конфигурации акторов не является решающим фактором для обретения проектом общественной поддержки. Более важным оказывается эффективная легитимация проекта. В Архангельской области, где расклад акторов был наиболее благоприятным, «этнизация» регионалистской идеи не нашла широкой поддержки, тогда как население Калининградской области, напротив, продолжает позитивно относиться к регионалистской идее даже в 2000-е гг., когда власти перестали ее продвигать.

О.В. Попова

(факультет политологии СПбГУ, г. Санкт-Петербург)

Политическое лидерство в эпоху цифровизации: факторы, требования, технологии

В выступлении будут обсуждены наиболее дискуссионные вопросы трансформации теорий политического лидерства в современных условиях повсеместной цифровизации, дана оценка изменения значимости экономического, социального, культурного капиталов, а также психологического и человеческого капиталов, модификации эффективных видов лидерства в рамках современной трактовки теории лидерства как функции группы, выявлены наиболее спорные трактовки набора значимых качеств политического лидерства, выделены наиболее существенные ресурсы в формировании имиджа политического лидера на современном этапе.

Ю. А. Пустовойт
(Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Новосибирск)

**Смена политических поколений в городах Сибири: динамика образов
властных отношений в онлайн и офлайн среде***

Всплеск интереса к работам, выполненным в русле «теории поколений», обусловлен двумя ведущими социально-политическими трендами: сменой поколений во всех эшелонах власти в течение ближайших 10-20 лет и заметным увеличением юношества в протестных мероприятиях. Здесь можно выделить позицию «поколенческого разлома», сформулированную В. Радаевым (Радаев, 2019), которая акцентирует внимание на социальном переломе 2000-х годов, когда в условиях относительного благополучия появилось множество альтернатив выбора собственного образа жизни, что и стало главной проблемой для самоопределения. Изобилие возможностей в условиях неопределённости, с одной стороны, создает психологическую проблему постоянной фрустрации вследствие страха ошибки, с другой, помещает область «политической активности» в одну из возможных и не всегда главных альтернатив жизненных проектов. В этом случае сложно найти некоторые общие темы со старшими возрастами, уверенными в верности избранного жизненного пути и значимости государственных решений при оценке собственного благополучия (но и неблагополучия). Ситуация приводит к межпоколенческому расколу, параллельному существованию, когда у представителей различных возрастных когорт нет общих тем для разговора. Другой взгляд на эту проблему был высказан Л. Гудковым, обобщившим основные идеи Ю. Левады, который пессимистично рассматривал шансы современной России на модернизацию. Причина, по его мнению, заключается в том, что все проекты модернизации (тоталитарный проект лишь один из них) инициировались вертикальными, осевыми конструирующими общество институтами. «Надежда на спасительную руку государства не покидает людей, не умеющих найти силы в самих себе». Периферийное, закрытое общество, объединяемое вертикальными институтами власти, которые, по сути, не изменились, не имеет шансов на модернизацию. (Левада Ю. 2016, С.41).

Возможным разрешением этой заочной дискуссии будет ответ на вопрос об изменениях образа власти у представителей различных поколений. Как и какой образ власти конструируется разными возрастными категориями? Как он реализуется в онлайн дискуссиях и политическом поведении? Насколько динамика этого образа сопоставима с другими жизненными приоритетами: образами «семьи», «дружбы», «работы»?

Теоретической базой исследования является операционализированный концепт власти (С. Люкс, К. Стоун, В. Ледяев), представляемый как переменная с двумя полюсами. На одном – власть, конструируемая как полный, направленный на подавление интересов подвластных, открытый контроль и принуждение, здесь действуют различные нормативные стандарты для властвующих и подвластных, и в предельном своем проявлении элитарные группы действуют по формуле «делай или умри». В нашей системе оценок эта власть обозначается как «1». На другом, речь идет о влиянии, управляющие и управляемые действуют по одной системе формальных и неформальных стандартов, на основе обоюдно признаваемых

интересов и прав. Такой идеализированный концепт «власти для», построенный на убеждении и авторитете, получит оценку «4» и может быть выражен аристотелевской формулой «общего блага». Промежуточные типы образов власти «власть -блокировка» («2»), основанная на молчаливом игнорировании интересов неэлитарных групп и пресечении какой-либо несанкционированной активности, и «власть-манипуляция» («3»), где конфликт интересов не осознаётся подвластными. Если в первом случае спонтанная политическая активность индивидов и групп не допускается в политическое поле (действует принцип «как бы чего не вышло»), то во втором «индивид делает то, что хочет, но хочет он того, чего желают другие»). Современное модернизированное общество и его институты ориентированы на образы «власти для», рассматривая ее как малозаметный производственный процесс сложного учета интересов и минимизации силового принуждения.

В этом случае (если точка зрения В. Радаева более точно отражает жизненные реалии) при анализе эмпирического материала мы должны обнаружить у более молодых возрастных когорт тенденцию к конструированию власти на основе многоуровневого сочетания интересов или сложных манипуляций или наоборот «двоумыслие», воодушевляющие, фантастические общественные проекты и подкрепляемые силовым принуждением во всех областях общественной жизни, подтвердит предположения Ю. Левады. В рамках нашего исследования обозначим поколения как людей близкого возраста (обычно границы здесь расплывчатые, но, как правило, общий диапазон 15–20 лет), обладающих сходными комплексами установок (габитусами) в силу проживания одних и тех же исторических событий в период взросления (18–25 лет). На этом этапе исследования мы сосредотачиваемся на советском и постсоветском поколениях (здесь большинство авторов работ ставит нижнюю границу миллениалов 1982 г. р.).

Результаты наших исследований в сибирских городах не претендуют на завершенность и скорее обозначают некоторые сходства и различия в видении политических и социальных проблем представителями различных поколений, их эмпирическую базу составляют: анализ избирательных кампаний, интервью с представителями власти и лидерами протестных сообществ, сравнительный анализ онлайн и офлайн дискуссий в митингах начала 2021 г., материалы фокус-групп (г. Новосибирск) по изменению значений и приоритетности универсальных жизненных проблем.

Общий вывод: конструирование властных отношений в первую очередь строится на основе места в системе власти, специфики региона (города) и только потом на основе принадлежности к тому или иному поколению. В целом, гипотеза Ю. Левады выглядит более состоятельной. Миллениалы, участвующие в политической жизни, занимающие место в публичных структурах власти используют те же самые подходы к использованию властных ресурсов, что и старшие возрастные группы. Здесь есть ряд стилистических отличий, способов коммуникации и саморепрезентации, что проявляется в том, что для них более значима политика в онлайн измерении, чем офлайн взаимодействие в политических институтах, организациях и уличной активности.

Смена официальной политической системы и изменения каналов коммуникации пока не особенно повлияли на способы выделения политических проблем и их решение. Как правило, этот образ власти «над», используемый и молодыми провластными политиками и оппозицией. Основной символический конфликт проходит между «властными» и «провластными» сообществами,

имеющими конкурентные коллективные и индивидуальные преимущества в рамках официальной политики, и теми, кто их не имеет («несистемной оппозицией»). «Разлом» как отказ от коммуникации и полное неприятие оппонента проходит скорее внутри каждого поколения, ровесниками, часть которых включена в официальную политическую систему, и той частью, которая действует в политическом поле самостоятельно.

В наиболее модернизированных и благополучных городах правящие группы ориентированы на индивидуальный отбор и инкорпорацию активных миллениалов в политическую систему через механизмы различных школ и конкурсов и далее включения наиболее перспективных в циклы электоральной и партийной конкуренции. В регионах со сложившейся авторитарной моделью управления (Кемеровская область) официальная власть активно зачищает политическое поле от всех возможных оппонентов, выдавливая их в другие регионы, и прекращает любую дискуссию, переводя ее в административное поле обеспечения безопасности. В городах с более сложной экономической ситуацией (Барнаул) при росте инициативы и активности оппозиции происходит обострение политической борьбы и в социальных сетях, и на площадях. Здесь оппозиция может добиться определенного успеха (Абакан), но в силу сложившихся образов власти («власти над») и ограниченности, прежде всего, экономических ресурсов ей вряд ли удастся создать устойчивые локальные коалиции власти. В этом контексте, если рассматривать города как «естественные лаборатории», перспективы либерализации и демократизации российского общества переносятся уже в «очень отдаленное будущее».

Литература

1. Левада Ю. Время перемен: Предмет и позиция исследователя. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2016.
2. Радаев В. Миллениалы. Как меняется российское общество. – М.: Litres, 2020.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке Сибирского института управления – филиала РАНХиГС в рамках научного проекта «Семья и дело. Образы семьи, дружбы и работы в жизненных стратегиях советских и постсоветских поколений сибирского мегаполиса»*

**В. Л. Римский,
(Фонд ИНДЕМ, г. Москва)**

Архаизация судебной власти России

В течение 2007-2010 годов Фондом ИНДЕМ выполнялся исследовательский проект «Судебная реформа в России: институционально-социетальный анализ трансформации, ревизия результатов, определение перспектив» [Материалы...]. Проект включал два основных направления исследования судебной власти России – правовое и социологическое, а по его результатам были опубликованы две монографии [Горбуз, 2010; Сатаров, 2010].

Одной из причин выполнения этого судебного проекта Фонда ИНДЕМ стало желание содействовать модернизации судебной власти постсоветской России. Существенной проблемой её модернизации была адаптация новых институтов модернизации к поддержанию старого социального порядка осуществления правосудия [Горбуз, 2010, с. 24-25]. Фактически, это было признание архаизации судебной власти России. Для изменения сложившегося положения в судебной власти было решено найти научные обоснования возможностей модернизации судебной власти России. Поэтому концепция и эмпирические методики судебного проекта Фонда ИНДЕМ были направлены на выявление и описание сознания и реальных социальных практик граждан и предпринимателей при их взаимодействиях с судами, реальных социальных практик судей, а также практик связанных с ними в судебных разбирательствах следователей, прокуроров и адвокатов.

По окончании судебного проекта осмысление его результатов заняло несколько лет. Опубликованные монографии, приведённые в списке литературы, были результатами только начального периода этого осмысления. При последующем осмыслении этих результатов нами был сделан вывод о том, что именно архаизация судебной власти России была и продолжает оставаться значимым препятствием её модернизации. При этом архаизация судебной власти стала настолько привычной для самих судей и всего российского юридического сообщества, что нередко её проявления либо не замечаются, либо оцениваются как норма.

В частности, к таким проявлениям архаизации судебной власти России относится инквизиционный характер уголовного правосудия. Инквизиционное правосудие, как известно, характеризуется поисками истины в судебных процессах, в которых стороны обвинения и защиты совместно разбирают доказательства вины обвиняемых и приходят к выводам об их виновности или невиновности. Это противоречит модернизационным положениям п. 3, ст. 123 Конституции РФ: «Судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон».

Главной целью судебной реформы в постсоветской России было формирование судебной власти как самостоятельной ветви в системе разделения властей. На уровне норм законов и постановлений Верховного Суда РФ эта цель уже давно достигнута. Но в реальности судебная власть осталась в подчинении административной власти и власти Президента РФ.

Адаптация новых институтов к старому социальному порядку заметна по эволюции судов присяжных в России. Институт присяжных, созданный ещё в судебной реформе Александра II в 1864 году, повторно был введён в 1993 году, но затем законодательство о судах присяжных неоднократно менялось, ограничивая их компетенции и возможности. Судебная власть, стремясь снизить влияние коллегий присяжных на принятие судебных решений и даже обеспечить доминирование судей над ними.

Архаичным следует признать и стремление сформировать единую иерархию судов в России, что произошло после упразднения в 2014 году в России Высшего Арбитражного Суда РФ, вопросы осуществления правосудия, отнесенные ранее к его ведению, были переданы в юрисдикцию Верховного Суда РФ. Таким образом, в нашей стране был сформирован единый высший судебный орган – Верховный суд РФ. А ведь по данным судебного проекта Фонда ИНДЕМ судебные разбирательства в системе арбитражных судов России существенно отличались в лучшую сторону по оценкам большинства предпринимателей.

Архаизация российской судебной власти приводит к тому, что она систематически защищает интересы государства нередко в ущерб интересам граждан, она так и не стала инструментом обеспечения прав и свобод граждан, равенства всех граждан перед законом и судом, верховенства права, следования принципам открытости, состязательности и коллегиального рассмотрения и разрешения споров в рамках судебных заседаний. Не удалось реализовать и принципы независимости судебной власти и самих судей. А перспективы отказа от архаизации судебной власти в России пока остаются призрачными.

Литература

Горбуз А.К., Краснов М.А., Мишина Е.А., Сатаров Г.А. Трансформация российской судебной власти. Опыт комплексного анализа. — СПб.: Норма, 2010. — 480 с. URL: http://www.indem.ru/Proj/SudRef/_fin.pdf

Материалы исследовательского проекта «Судебная реформа в России: институционально-социетальный анализ трансформации, ревизия результатов, определение перспектив» [Электронный ресурс]. Сайт Фонда ИНДЕМ. URL: <https://indem.ru/Proj/SudRef/indexR.htm>

Сатаров Г.А., Римский В.Л., Благовещенский Ю.Н. Социологическое исследование российской судебной власти. — СПб.: Норма, 2010. — 536 с. URL: <http://www.indem.ru/Proj/SudRef/SocIsRoSuVlas.pdf>

А. И. Соловьев

(факультет государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва)

«Королевские игры» или государственные перевороты в структуре активности правящего класса

Как показала практика, убеждения теоретиков во всемогуществе коллективного актора, масс, способных воплотить свой суверенитет в конструкциях демократической политической системы, если и оправданы, то, видимо, лишь применительно к ранним стадиям индустриального общества. В повседневной же действительности приоритеты правящих кругов не вызывают сомнений. Последние столетия, увеличившие зависимость масс от элитарных сословий, наглядно продемонстрировали, что источником общественных трансформаций служат конфликты внутри правящих кругов. Представляется, что и заглавным фактором изменений следует признать решимость различных сегментов правящего меньшинства в повышении своего позиционирования в системе власти, в силу чего переустройство общества может рассматриваться лишь как побочное следствие реализации этих замыслов.

Методы конкуренции и состязательности различных слоев внутри правящего слоя весьма различны, а в настоящее время стали существенно зависеть от активности глобальных игроков и их включения в отношения национальных элит. В любом случае сегодня появилось множество дополнительных факторов, резко обостривших межэлитарную конкуренцию. Однако и в этих условиях соревновательность элит ведет не только к появлению у них новых компетенций, качественно превосходящих навыки политического участия коллективного актора, но и по-прежнему ограничена соображениями собственной безопасности, а также

недопущением рисков крупных социальных потрясений (что, впрочем, не означает полного отсутствия подобных угроз, отрицательно сказывающихся на позициях правящего меньшинства и механизмах элитарного рекрутинга).

В то же время ряд кризисных обстоятельств обуславливал и обуславливает использование различными сегментами правящего класса механизмов государственного переворота. И хотя общая рамка социально-политических процессов, создающая некий внешний фон для актуализации неконвенционального перепозиционирования в правящем классе, весьма противоречиво отражается на микрополитических коммуникациях последнего (что не позволяет выяснить все обстоятельства этих пертурбаций), все же в целом можно определить основные факторы, предопределявшие потребность в этих технологиях.

В частности, к ним можно отнести: резкое уменьшение получаемых отдельными элитарными группировками общественных благ и ресурсов; качественное снижение безопасности определенных сегментов правящей элиты; ослабление влияния находящихся у власти лидеров и слоев; существенное обострение межэлитарной конкуренции; амбиции лидеров, усматривающих - в том или ином временном периоде - новые возможности для обретения дополнительных активов; получение той или иной группой неожиданных предпочтений для усиления своих позиций, открывающих «окно возможностей», позволяющих «замахнуться» на высшие позиции государственной власти. При этом активность и недовольство массового, коллективного актора используются только в некоторых случаях и могут рассматриваться лишь как один из возможных поводов в пользу начала действий. Практика показывает и то, что было бы весьма поверхностным рассматривать государственные перевороты в рамках право-левого идейно-политического спектра и что куда более распространенными побуждениями к таким переменам являются тяготения чиновников и политиков к любым способам и вариантам, способным открыть им ворота в высшую власть.

Коротко говоря, высокая мотивация элитарных фигур и группировок в обретении дополнительных официальных статусов, позволяющих в большей степени ставить механизмы и интересы государства под своей контроль, может рассматриваться как решающий фактор смены властных диспозиций. В ряде государств мощным подспорьем этим политическим телодвижениям служит еще и снижение политической эффективности представительных механизмов, контроль правящего режима над выборами, а также иные инструменты, ограничивающие права коллективного актора на волеизъявление и презентацию своих интересов.

Одним словом, эти перевороты являются результатом исключительно внутри элитарных (внутри аппаратных) процессов, активности лидеров, чьи амбиции, ревность, тщеславие или фобии порождают кумулятивный эффект власти, не считающийся с любыми институционально-правовыми ограничениями. Следует иметь в виду и еще одну характеристику государственных переворотов, это – содержание нового политического курса, изменение характера правления, направленность курса государственной политики после смены правящей группировки или лидера. С учетом этого обстоятельства можно констатировать, что качественное обновление траектории государственной власти в ряде случаев может служить маркером латентных переворотов, незаметных для общества.

Это особенно важно иметь в виду, поскольку высокий уровень активности сетевых коалиций, оказывающих постоянное воздействие на институты власти, способствует расколу правящего класса на ту часть элиты, которая правит

(распределяя ресурсы), и ту, которая поддерживает коммуникации с населением в рамках официального мандата правящей элиты (к которой можно отнести «одноразовую элиту», временно призванную для исполнения формальных функций, а точнее - олицетворения «народной власти» и «ответственности власти перед народом»). Такое положение не только ротацию или транзит власти, но и качественные трансформации внутри правящего класса делает абсолютно невидимыми для населения.

С учетом сказанного можно выделить следующие типы государственных переворотов: с использованием элитой коллективных акторов (массовых протестов, мятежей) или же международных участников (внешней интервенции); межэлитарные трансформации властных порядков с применением публичных технологий (военных переворотов, участия части действующих элит, как в случае с ГКЧП); ползучие, незаметные для общества формы смещения лидеров и их политических команд (в том числе и с применением внешне легальных технологий транзита власти).

Благодаря многообразию современных политических процессов, можно констатировать, что сегодня реалистичны любые варианты госпереворотов. Однако, чем дальше, тем больше, становится очевидным, что первые два варианта, требующие и использования большего объема ресурсов, и сталкивающиеся с всевозможными дополнительными рисками, не исключая инверсионные эффекты, постепенно уступают место третьему варианту.

Для российской власти это обусловлено тем, что отечественные элиты, во-первых, прекрасно используют в своих интересах слабость публичных институтов, а во-вторых, хорошо научились самостоятельно конструировать нужный баланс сил в рамках внутри элитарных коммуникаций. Тем более что сохранение внутренней солидарности, исключая участие коллективного актора в распределении власти, является для них постоянно действующей традицией. Такое положение, расширяющее роль латентных «встроенных автономий», независимых от общества механизмов ротации и кооптации посланцев кланов, кланов, парантел и даже устранение особо опасных конкурентов (посадки, физическое давление и др.), превращает госперевороты, если и не в рутинизированную форму внутри элитарных маневров, то в весьма привлекательный инструмент репозиционирования правящих группировок, мало отличимый от транзита власти.

В этом смысле госперевороты, чем дальше, тем больше превращаются в разновидность «королевских игр», в которых население зачастую не является даже зрителем. Учитывая же, что крупные политические игроки по факту уже превратились в международных акторов, в эти маневры с успехом вовлекаются и внешнеполитические силы. И хотя сегодня во многих странах перевороты осуществляются без уведомления США и иных важных международных игроков (уместно вспомнить, что США с 1898-по 1994 провели 41 переворот в Латинской Америке) [Разуваев, с. 43.], их роль по-прежнему высока. Хотя и неоднозначна. Но в любом случае такие трансформации девальвируют все проявления конкурентной и состязательной политики, превращая общество в заложника элитарных амбиций.

Литература

Разуваев В. Государственные перевороты в политике. М.; СПб.: Петроглиф, 2019.

Д. Б. Тев

(Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург)

Федеральная административная элита России: карьера после ухода с должности

В докладе анализируется карьера после ухода с должности членов федеральной административной элиты России 2013 г. Эмпирической основой служит биографическая база данных, включающая 575 анкет, обновленных в октябре 2020 г.

подавляющее большинство чиновников к моменту исследования покинули занимаемую в 2013 г. должность, что было связано с разными обстоятельствами (отставка правительства, упразднение ведомств, достижение предельного возраста пребывания на госслужбе, уголовные дела, скандалы). Однако уровень обновления кадров варьирует в различных ведомствах, будучи, в частности, выше в социальных и экономических министерствах, чем в МИДе, силовых министерствах и Администрации Президента (АП).

Преобладает циркуляция кадров внутри федеральной администрации, которая является важнейшим местом работы чиновников, покинувших свой пост. Часто они оставались работать в том же органе власти, на другой должности, но заметна и межведомственная мобильность (включая обмен персоналом между правительством и АП), способствующая сплочению федеральной административной элиты. В целом, членство в этой элите сохранили более трети чиновников, занимая ту же или иную должность. При этом некоторые перешли в администрации субъектов РФ, в том числе на посты губернаторов, рекрутирование которых из числа федеральных администраторов может служить формой проявления и способом упрочения контроля президента и, в целом, федерального центра над региональной властью.

Нередко административная должность, прежде всего, в экономических ведомствах, служила трамплином к видным постам в бизнесе, который в условиях «кумовского капитализма» может быть особенно заинтересован в привлечении чиновников. Главным образом, речь идет об их занятости в крупных фирмах, создающей динамические переплетения административной и экономической элит. Несмотря на законодательные ограничения (являющиеся частью структуры возможностей посткарьеры), видна тенденция к трудоустройству чиновников в подведомственные компании. Хотя есть немало примеров их перехода в частный сектор, чаще всего они оказывались в государственных компаниях, прямая подконтрольность которых федеральной администрации усиливает значимость связей в ней как «вытягивающего» фактора рекрутирования на ключевые посты в таких фирмах, способствуя движению кадров.

Только в единичных случаях чиновники переходили в парламент. Слабость Федерального собрания подрывает их мотивацию к законодательной карьере, поскольку такой переход обычно связан с утратой реальной власти. Впрочем, с другой стороны, подконтрольность парламента президенту и административным структурам может облегчать доступ чиновников к ключевым законодательным постам, опять же повышая роль связей в администрации, как фактора рекрутирования.

В целом, устойчивость элитного членства оказалось существенной: к моменту исследования немногим менее половины представителей федеральной административной элиты 2013 г. принадлежали к одной из трех фракций (политической, административной, экономической) общенациональной властной элиты России (кроме того, некоторые занимали ключевые посты в таких институтах, как госкорпорации, Счетная палата, ЦИК и пр.).

Л.А. Фадеева

(Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь)

Политические лидеры как акторы политики идентичности в современном внешнеполитическом контексте.

Расширительное понимание политики идентичности пришло в научный дискурс из внешнеполитического, когда политики и общественные деятели стали апеллировать к необходимости проводить целенаправленный курс на формирование идентичности (кто мы, в хантингтоновской интерпретации). И уже вследствие этого появилась соответствующая трактовка политики идентичности и в политической науке (в российском варианте – дефиниция и интерпретация И.С. Семененко).

Политика идентичности определяется и выстраивается в соперничестве разных акторов, в том числе и государственных в рамках одного государства. Это в КНР отчетливо видны лишь результаты такой политики, которые отражены в документах КПК и воспроизводятся китайскими лидерами на разных уровнях, хотя ключевым, безусловно, является презентация Си Цзиньпина.

Соперничество и противоборство курсов на проведение политики идентичности проходит как по внутривнутриполитическим линиям (республиканцы – демократы в США), так и, в особенности, во внешнеполитическом контексте, в котором безусловными доминирующими акторами выступают главы государств, претендующие на «особость» - особый путь, особую цивилизацию, особую форму демократии. В таком контексте политика идентичности используется для легитимации внешнеполитического курса.

Спецификой современной ситуации является то, что ценностные основания политики идентичности во внешнеполитическом контексте возвращают в политический дискурс классическое понимание политики идентичности как защиты социально маргинализированных меньшинств. В частности, лидеры ЕС используют такую аргументацию, что ограничение прав этих меньшинств в той или иной стране является маркером, свидетельствующим об угрозе с ее стороны европейской идентичности и безопасности.

Важно то, что интерпретации политики идентичности становятся инструментами внешней политики, используются западными политическими лидерами для введения санкций и т.п. В то же время политики вступают в ожесточенную борьбу за право проводить собственную политику идентичности (Виктор Орбан).

А.В. Шентякова
(факультет политологии СПбГУ, г. Санкт-Петербург)

**Отношение к политическим лидерам и институтам в условиях пандемии
коронавируса (по материалам фокус групп)**

Фактор пандемии COVID-19 негативно повлиял на социальное и экономическое самочувствие граждан. В условиях возросших рисков, социальной напряженности произошли изменения во взглядах, оценках и представлениях людей о политических институтах, лидерах. Пандемия выступала как катализатор и обострила проблемы, которые существовали, но в сознании многих людей воспринимались как не очень важные. Исследование восприятия гражданами рисков, проблем и своего самочувствия по прошествии года с начала эпидемии позволило выявить ряд тенденций.

Фокус группы проходили в трех субъектах (Санкт-Петербург, Ленинградская область, Вологодская область) по 6 в каждом. Группы формировались по гендерному и возрастному критерию гомогенности. Этап сбора информации проходил в период 17.05.21-31.05.21. Анализ данных продемонстрировал изменения в восприятии как политических лидеров, так и органов власти в целом, представителями разных возрастных когорт.

Образ сильной федеральной власти и президента В.В. Путина лично, значительно изменился в худшую сторону, по мнению участников старшей возрастной группы. Риски и страхи в условиях пандемии для пожилых участников исследования оказались очень остро воспринимаемыми. Не соразмерный и не адекватный ответ со стороны федеральной власти и губернаторов показал неспособность власти принимать решения и следить за их исполнением. В период подготовки к выборам в Государственную Думу, это значительно ослабило позиции Единой России. Среди молодых участников фокус групп усилились оппозиционные настроения и негативное отношение к властным институтам и отдельным лидерам. Люди возраста 35-50 лет отмечали рост негативных оценок работы системы властных структур, отсутствие реальных лидерских качеств среди региональных политиков.

Позиция дистанцирования, которой придерживались федеральные политические лидеры, наделение региональных политиков особыми полномочиями продемонстрировала, по мнению всех участников групп, слабость всей системы институтов. Уровень разочарования решениями и их воплощением коррелирует с уровнем ожиданий, которые в разных возрастных группах отличались.

При оценке ситуации пандемии и решений всего спектра проблем в условиях эпидемии коронавируса важным фактором стал тип населенного пункта, в котором проходило исследование. Анализ данных показал различия в оценках и мнениях горожан и жителей сельской местности. Гендерный фактор показал слабое влияние.

Разочарование как политическими лидерами, так и системой властных институтов способствовало кризису легитимности почти всех институтов. В условиях режима изоляции, падения уровня доходов, тотального недоверия к федеральным источникам информации о ситуации с пандемией, люди (кроме молодежи) ощутили свою «заброшенность, ненужность».

Эти изменения повлияли на электоральные настроения населения и отразились в партийных предпочтениях во время выборов депутатов в Государственную Думу.

Список участников
Двадцатого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации»,
28-30 октября 2021 года, Санкт-Петербург

<i>Ф.И.О.</i>	<i>Город, контакт</i>	<i>Место работы</i>	<i>Степень, звание, должность</i>
<i>Докладчики</i>			
Ачкасов Валерий Алексеевич	С.-Петербург val-achkasov@yandex.ru	Санкт-Петербургский госуд. ун-т, фак-т политологии	Д.полит.н., профессор, зав.кафедрой этнополитологии
Быстрова Алла Сергеевна	С.-Петербург abc_46@mail.ru	Социологический институт РАН	К.эконом.н., старш.н.сотр. Сектора социологии власти и гражданского общества
Гаман-Голутвина Оксана Викторовна	Москва ogaman@mail.ru	МГИМО (У) МИД России; НИУ ВШЭ	Д.полит.н., проф., чл.-корр. зав каф. сравнительной политологии; профессор-исследователь
Гуторов Владимир Александрович	С.-Петербург gut-50@mail.ru	Санкт-Петербургский гос. ун-т, ф-т политологии	Д.филос.н., профессор, зав. каф. теории и философии политики
Даугавет Александра Борисовна	С.-Петербург a.daugavet@socinst.ru	Социологический институт РАН	Научный сотрудник Сектора социологии власти и гражданского общества
Дука Александр Владимирович	С.-Петербург a_duka@mail.ru	Социологический институт РАН; СПбГУ, ф-т политологии	К.полит.н., зав. Сектором социологии власти и гражданского общества; доцент
Жуков Дмитрий Сергеевич	Тамбов ineternatum@mail.ru	Тамбовский государств. унив-т им. Г.Р. Державина	К.и.н., доцент кафедры международных отношений и политологии
Завершинский Константин Федорович	С.-Петербург zavershinskiy200@mail.ru	Санкт-Петербургский гос. ун-т, ф-т политологии	Д.полит.н., профессор каф. теории и философии политики
Колесник Наталья Владимировна	С.-Петербург n.kolesnik@socinst.ru	Социологический институт РАН	К.социолог.н., доцент, ученый секретарь
Кочетков Александр Павлович	Москва arkoch@mail.ru	Московский государственный университет, фак-т политологии	Д.филос.н., проф., зам.зав.каф. российской политики
Мацузато Кимитака	Токио (Япония). kim@j.u-tokyo.ac.jp	Токийский университет, Департамента права и политологии	доктор юр. наук, профессор

Мохов Виктор Павлович	Пермь mvpperm@gmail.com	Пермский национальный исследовательский политехнический университет	Д.истор.н., профессор, декан гуманитарного факультета
Панов Петр Вячеславович	Пермь petrpanov@yandex.ru	Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН	Д.полит.н., главный научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН
Попова Ольга Валентиновна	С.-Петербург rov_64@mail.ru	Санкт-Петербургский гос. ун-т, ф-т политологии	Д.полит.н., профессор, заведующий кафедрой полит. институтов и прикладных полит. исследований
Пустовойт Юрий Александрович	Новосибирск pustovoit1963@gmail.com	Сибирский ин-т управления – филиал РАНХиГС	к.полит.н., доцент каф. политических наук и технологий
Римский Владимир Львович	Москва rim@indem.ru , vlrim@yandex.ru	Фонд "Информатика для демократии" (ИНДЕМ)	Зав.отделом социологии
Сельцер Дмитрий Григорьевич	Тамбов seltser@yandex.ru	Тамбовский госуниверситет имени Г.Р. Державина	д.полит.н., профессор кафедры международных отношений и политологии
Соловьев Александр Иванович	Москва. alesol@mail.ru , alekssol21@gmail.com	Московский государственный университет, ф-т государственного управления	Д.полит.н., проф., зав.каф. политического анализа
Тев Денис Борисович	С.-Петербург denis_tev@mail.ru	Социологический институт РАН	К.социолог.н., старший научный сотрудник Сектора социологии власти и гражданского общества
Фадеева Любовь Александровна	Пермь lafadeeva2007@yandex.ru	Пермский государственный национальный исследовательский университет, историко-политологич. фак-т	Д.ист.н., проф. кафедры политических наук; главный редактор журнала «Вестник Пермского университета. Политология»
Шентякова Анна Владимировна	С.-Петербург anna_pedagog@mail.ru	Санкт-Петербургский гос. ун-т, ф-т политологии	К.полит.н., ассистент кафедры полит. институтов и прикладных полит. исследований

<i>Участники дискуссии</i>			
Корниенко Алла Владимировна	С.-Петербург mmtmpo@mail.ru , av.kornienko@mail.ru,	Социологический институт РАН	Научный сотрудник Сектора социологии власти и гражданского общества
Лапина Наталья Юрьевна	Москва lapina_n@mail.ru	Институт научной информации по общественным наукам РАН	Д.полит.н., зав. отделом глобальных проблем
Ледяев Валерий Георгиевич	Москва valeri_ledyaev@mail.ru	Нац. исслед. ун-т – Высшая школа экономики	Д.филос.н., профессор кафедры анализа социальных институтов
Невский Андрей Владимирович	С.-Петербург anevskij@gmail.com	Социологический институт РАН	Младший научный сотрудник Сектора социологии власти и гражданского общества
Сафронов Вячеслав Владимирович	С.-Петербург vsafonov@list.ru	Социологический институт РАН	старший научный сотрудник Сектора социологии власти и гражданского общества

Адрес проведения семинара

Семинар проводится дистанционно через систему конференции ZOOM.

Время: 28 октября 2021 11:00 AM Москва

29 октября 2021 10:30 AM Москва

30 октября 2021 11:00 AM Москва

Подключиться к семинару Zoom:

<https://us02web.zoom.us/j/86096547248?pwd=Vzlwc3ZOc3AwU1k3aEJzbzRBSkVSdz09>

Идентификатор семинара: 860 9654 7248

Код доступа: 842268